

Научная статья

УДК 070.1:327(470.661) + 342.5(470) + 004.774 + 316.776.2

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.062

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖА «ПОСТРАДАВШИЙ» В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ О ТЕРАКТЕ В БЕСЛАНЕ

Элина Владимировна Чепкина¹

Денис Сергеевич Колчин²

^{1,2}Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

¹ellina.chepkina@urfu.ru

²krusaider84@mail.ru

А н н о т а ц и я. В данной статье с применением метода дискурс-анализа представлены результаты исследования того, как спустя 15 лет после теракта в Беслане в российских печатных и сетевых СМИ конструировались персонажи «пострадавшие». Выявлены ведущие дискурсивные практики конструирования персонажей «пострадавший» в связи с годовщиной теракта. Типичными практиками являются присвоение персонажу нарративной роли в контексте описания событий, характеристика жертв теракта с помощью прямой речи участников и очевидцев трагедии, описание действий сообщества «пострадавшие» ради сохранения памяти о погибших.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс-анализ; дискурсивная практика; персонаж; российский медиадискурс

THE PRACTICE OF CONSTRUCTING THE CHARACTER “VICTIM” IN JOURNALISTIC PUBLICATIONS ABOUT THE TERRORIST ATTACK IN BESLAN

Elina V. Chepkina¹

Denis S. Kolchin²

^{1,2}Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹ellina.chepkina@urfu.ru

²krusaider84@mail.ru

Abstract. The authors, using the method of discourse analysis, present the results of a study regarding how 15 years after the terrorist attack in Beslan, the victim characters were constructed in Russian print and online media. The leading discursive practices of constructing such victim characters in connection with the anniversary

of the terrorist attack are identified. It is typical to assign a narrative role to the character in the context of describing the events, characterizing the victims of the terrorist attack using the direct speech of the participants and eyewitnesses of the tragedy, describing the actions of the “victims community in order to preserve the memory of the dead.

К е у о р д с: discourse analysis; discursive practice; character; Russian media discourse

В декабре 2019 г. исполнилось 15 лет со дня массового захвата заложников в Северной Осетии. Отряд кавказских боевиков 1 сентября 2004 г. занял школу № 1 в городке Беслан, расположенном недалеко от границы с Ингушетией. В плен попало больше 1000 человек — педагогов, детей и их родственников. Через два дня школа была взята штурмом. Погибли 336 человек, в том числе 186 несовершеннолетних и 10 бойцов спецназа. «Без сомнения, самый трагический эпизод новейшей российской истории — боль Беслана» [<https://regnum.ru/news/2717554.html>].

В данной статье с применением метода дискурс-анализа выполнено исследование того, как в российских печатных и сетевых СМИ конструировалось событие «теракт в Беслане» и персонаж «пострадавший» спустя 15 лет после трагедии, в августе — сентябре 2019 г.

Памятные даты о значимых для современной России событиях обычно связаны с победами и героизмом — источниками гордости и положительной национально-гражданской самоидентификации [Малинова; Проблемы конструирования...]. Однако трагедия в Беслане связана не только с памятью о героизме сотрудников спецназа и других бойцов, освобождавших школу, но и с горькой памятью о погибших и пострадавших, со скорбью и болью, которые не изжиты до сих пор.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что практики коллективной памяти сегодня находятся в центре внимания гуманитарного научного сообщества, а также тем, что практики конструирования персонажа «пострадавший» в журналистском дискурсе еще не получили развернутого описания. Научная и практическая значимость исследования связана с тем, что чрезвычайные ситуации разного рода, к сожалению, не редкость, они пользуются повышенным вниманием СМИ, и выработка алгоритма их описания и анализа — актуальная задача для медиадискурса, особенно на уровне анонимных и безличных дискурсивных практик. Анализ практик конструирования персонажей — важный вклад в выработку этого алгоритма.

Цель нашего исследования — рассмотреть, как конструировался дискурс о пострадавших во время теракта в Беслане, а именно дискурсивные практики конструирования персонажа «пострадавший», в годовщину трагических событий, 15 лет спустя.

Методологически исследование опирается на дискурс-анализ в контексте социального конструкционизма [Дьякова, Трахтенберг; Луман; Филлипс, Йоргенсен; Фуко; Чепкина, Енина]. По мере необходимости он дополняется лингвостилистическими методами анализа.

К конкретным методикам анализа относится исследование тех практик конструирования персонажей, которые в совокупности реализуют нарративную

роль «пострадавший» с помощью накопления соответствующих повторяющихся смыслов [Чепкина, Автохутдинова; Чепкина, Енина].

Объектом исследования являются материалы российских федеральных, печатных и сетевых, СМИ, выходившие в августе – сентябре 2019 г. в связи с 15-летней годовщиной трагедии Беслана. Это тексты в изданиях «Лента.ру», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Российская газета», «Медуза»*, «Аргументы и факты», «Взгляд», ИА «Regnum». Объем статьи не позволяет в полной мере представить весь анализированный материал, мы ограничимся наиболее показательными примерами.

Предмет исследования – дискурсивные практики конструирования персонажей-«пострадавших», участников и очевидцев события «теракт в Беслане».

Персонаж – это объект дискурса, который в журналистских текстах конструируется с опорой на правила достоверного, верифицируемого нарратива и наделяется устойчивыми характеристиками [Чепкина, Автохутдинова; Чепкина, Енина].

Событие «теракт» задает определенную систему основных персонажей, типичную для катастрофических ситуаций: пострадавшие (погибшие и члены их семей, выжившие заложники и другие люди, пострадавшие в ходе теракта); спасатели; ответственные лица; очевидцы [Ульберг и др., с. 274].

Сложность ситуации с памятью о трагедии в Беслане в том, что до сих пор не существует «неопровержимой» версии событий. С одной стороны, многие свидетели и участники трагедии живы до настоящего времени. С другой – дискуссии о том, как именно развивались события, не прекращаются. Организация по следам теракта в Беслане специального расследования не дала окончательных ответов.

Следует подчеркнуть, что такая ситуация – не редкость. В процессе расследования катастрофических событий, в том числе терактов, «жертвы, спасатели, ответственные лица получают возможность изложить свою версию событий» [Там же, с. 264], и эти версии часто не совпадают. Кроме ответов на вопрос, что именно произошло, участники расследования обычно стремятся ответить и на вопросы, кто виноват и чему это должно нас научить. К важным аспектам события «расследование ситуации катастрофы, теракта», кроме установления виновных и определения меры ответственности конкретных лиц, относятся и возмещение убытков пострадавшим и членам семей погибших [Там же]. Эта информация обладает ценностью и для журналистского дискурса.

Значимый аспект трагедии в Беслане и осмысления ее последствий состоит в том, что практически сразу после штурма школы среди пострадавших сложилось сплоченное сообщество памяти о трагедии. Этому способствовало то, что участники трагедии, в первую очередь ее жертвы, – жители одного города. Не только общий опыт бедствия, но и одно место жительства сплотили их, облегчили взаимодействие друг с другом, решение общих задач по оказанию помощи

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

пострадавшим и других вопросов. «Матери Беслана» — наиболее известная организация, возникшая ради единства в защите интересов пострадавших и их семей. В нее вошли люди, готовые взять на себя роль неформальных лидеров, а в подобных ситуациях это очень важно для сохранения памяти о событиях и поддержки жертв [Ульберг и др., с. 262].

Изучение эмпирического материала показало, что чаще всего рассказы о пострадавших встраиваются в несколько нарративных структур: событие теракта и последующий штурм школы, события непосредственно после теракта, отдаленные последствия: реабилитация пострадавших, информация о нынешней жизни жертв теракта.

В текстах, посвященных 15-летию бесланской трагедии, центральными персонажами из числа пострадавших стали выжившие заложники, их воспоминания о пережитом. Рассказывая об этих людях, журналисты видят свою задачу прежде всего в том, чтобы выстроить нарратив произошедшего, передать детали событий сентября 2004 г. Например:

Алла Бициева провела на полу зала все три дня. Трое ее одноклассников погибли. Вот ее выводит из школы оmonoвец. Она едва стоит на ногах, белоснежная кофточка в крови. Делает несколько глотков воды и тут же начинает помогать малышам. «Так как мы были старшеклассники, не было возможности позволять себе поплакать», — вспоминает она (Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. // <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>).

Лариса какое-то время лежала без сознания, и что происходило вокруг, не помнит. Потом ее заметили и вытащили. В больнице Беслана ее не узнал знакомый врач, который был близким другом семьи, потому что от лица у нее осталась только половина. По дороге в клинику во Владикавказе она два раза умирала в скорой. Ее чудом довели. Но в суматохе перепутали фамилию, и до 5 сентября она числилась среди погибших («Я два раза умирала в скорой» // Российская газета (далее РГ. — Э. Ч., Д. К.). 2019. 3 сент.).

В таких текстах конструирование персонажа-жертвы теракта происходит через рассказ о его травматическом опыте.

Воспоминания родителей и других членов семей заложников — тоже важная часть нарратива, сохраняющего память о произошедшем, что неудивительно, так как большая часть заложников — дети:

15 лет назад, 1 сентября, Света ушла в школу, а потом вдруг вернулась домой: «Мам, пойдем со мной на линейку». Они жили вдвоем, и Марина всегда была рядом с дочерью. Но в тот день ей нужно было идти на курсы, которые она уже оплатила. И она не смогла пойти в школу. Уходя, Света перекрестила ее. Больше они не встретились» (Брошены и забыты // Коммерсантъ (далее Ъ. — Э. В., Д. К.). 2019. 3 сент.);

Поначалу я не знал, что и думать, что там такое — пока глазами не увидел, что туда всех согнали. Там были мои дети. Установить с ними связь было невозможно. Телефонов у них с собой не было, да и не могло быть. Ну что там, десятилетние дети.

Какие у них могли быть телефоны <...> Своих детей я какое-то время не мог найти. Мне потом позвонили и сказали, что сына нашли в профтехучилище рядом, куда относили раненых, которые еще могли стоять на ногах. А про дочку мне вечером сказали в нашей Бесланской районной больнице, что везут ее во Владикавказ, потому что она сильно ранена. Я их в этих местах и нашел («Родители с оружием в руках лезли туда, готовые умереть» // Лента.ру : [сайт]. 2020. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/09/01/beslan>).

В годовщину трагедии было опубликовано немало воспоминаний журналистов, которые были в Беслане в сентябре 2004 г. — во время теракта и сразу после него:

Помню, как родители подбегали к помощнику главы республики Льву Дзугаеву и возмущенно говорили: «Зачем ты врешь, там не 120 и не 300 человек, там больше 900». У женщин были на руках списки людей из школы, и их количество перевалило за полторы тысячи. Он ответил, что эти 124 подтверждены, остальные нет. Родители просили встречи с руководством республики, силовиками, чтобы им пояснили, что происходит. Их просили успокоиться, так как они нервируют обстановку («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>);

Я с гордостью вспоминаю, как нам, «Новой газете», Беслан тогда поверил. И продолжал верить все последующие годы. Я помню, как в каждом номере помимо историй про заложников, погибших и выживших, помимо этих моментальных слепков трагедии, позволяющих каждому попробовать примерить то, что случилось в Беслане, на себя, — мы публиковали какую-то небольшую заметку о ходе расследования, которое вели сами бесланцы. Я помню, как почему-то именно мне бесланские мужики решили отдать тубу от реактивного огнемета «Шмель», снятую с крыши 37-й пятиэтажки по Школьному переулку (Школа номер один // Новая газета (далее НГ. — Э. Ч., Д. К.). 2019. 28 авг.).

Журналисты, работавшие тогда в Беслане, описывают свой профессиональный и личный опыт тоже как травмирующий:

После Беслана у меня началась идиопатическая крапивница: когда вдруг распухает ступня, или кисть, или глаз целиком отекает. И по ночам повторялся один и тот же сон, про горящую школу. Страшнее, чем Беслан, в моей жизни ничего не было. <...> В какой-то момент, когда я слышала или рассказывала про Беслан, то сразу начинала плакать. Это тяжелая трагическая история, но чтобы плакать постоянно — это не совсем в порядке вещей. На эту тему я общалась с психологом, потом это прошло. Мне объяснили, что это посттравматический синдром. Но мне смешно говорить о своих переживаниях по сравнению с теми, кто потерял своих детей («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>).

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Таким образом, представители прессы сами попадают в число пострадавших вместе с заложниками и членами их семей. Такие живые свидетельства непосредственных участников событий очень важны.

Часто образы заложников используются в рамках общего напоминания о произошедшем. Например:

Я помню одну девочку, которая оттуда выбежала. Она первым делом побежала не к родителям, а схватила бутылку воды и начала пить. До такого состояния довели детей! Я считаю, что жители Осетии, которые с оружием в руках лезли туда, готовые умереть, совершили большую ошибку. Потому что одно дело — спецназовцы, а другое — очумевшие от боли и страдания родители («Родители с оружием в руках лезли туда, готовые умереть» // Лента.ру : [сайт]. 2020. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/09/01/beslan>);

Когда все закончилось, город перестал быть молчаливым: воцарился нечеловеческий душераздирающий вой. Он не прекращался всю неделю похорон. Никогда — ни до, ни после — так не рыдала. Зашли в один двор — шесть гробиков на табуретках. В другом доме сидит голый первоклассник и рядом его сестра: у них ожоги, их нельзя одевать. Родителей нет, только бабушка смотрит в стену («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>).

Среди пострадавших в ходе штурма здания школы есть и сотрудники правоохранительных органов. Издание «РИА Новости» в 2019 г. напоминает:

В результате теракта в Беслане погибли сотрудники ЦСН ФСБ, МЧС, МВД и гражданские спасатели. Для спецназа ФСБ эта операция закончилась самыми большими в истории подразделения потерями: десять бойцов «Альфы» и «Вымпела» уже не вышли из здания школы («Хочется волком выть». Исповедь матерей, чьи дети погибли в Беслане // <https://ria.ru/20190901/1558002333.html>).

Также «РИА Новости» публикует воспоминания одного из спецназовцев:

Вспоминает Виталий Демидкин, на тот момент руководитель одного из подразделений управления «А» («Альфа») ЦСН ФСБ, сейчас полковник запаса: «...операция в Беслане для меня была самая сложная. ...Задачи стояли такие: по команде ворваться в спортивный зал, уничтожить террористов, которые охраняли взрывчатку, и разминировать ее. Затем доложить в штаб, что задача выполнена, и только потом начать штурм. Сотрудники управления “В” (“Вымпел”) должны были обеспечить нам подход к окнам спортзала, а мы — ворваться. Все были готовы, но уже в дороге получили информацию, что в спортзале произошел взрыв. ...В бою погибли три наших сотрудника» («Хочется волком выть». Исповедь матерей, чьи дети погибли в Беслане // <https://ria.ru/20190901/1558002333.html>).

Безусловно, напоминание об этой категории пострадавших — важная деталь в общей картине тех событий.

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Значительно реже, по сравнению с рассказами о захвате заложников и их последующем освобождении, журналисты обращаются к проблемам расследования случившегося. Приведем фрагмент одной из публикаций 2019 г. на эту тему:

В первые дни после трагедии устоялась официальная версия — все заложники в спортзале погибли от взрывов бомб, террористы стреляли в спины выжившим, а спецназовцы пошли на спонтанный штурм без бронежилетов. Местные жители не верили официальному следствию. Поэтому была создана независимая парламентская комиссия для расследования обстоятельств трагедии. В ходе работы комиссии стало понятно, что главной целью спецоперации силовиков в Беслане было уничтожение террористов, а не спасение людей. Под давлением общественности официальное следствие признало факт стрельбы по школе из огнеметов и гранатометов, но заявило, что эти виды вооружения применялись, когда в школе уже не было заложников. Эта позиция была опровергнута в ходе судебного процесса над единственным выжившим террористом (Школа номер один. «Новая газета» выпустила фильм к 15-летию теракта в Беслане. Основные тезисы // Znak.com : [сайт]. URL: https://www.znak.com/2019-08-28/novaya_gazeta_vypustila_film_k_15_letiyu_terakta_v_beslane_osnovnye_tezisy).

Как видим, повторены некоторые вопросы, возникшие у тех, кто стремился восстановить ход событий, но и спустя 15 лет окончательные ответы не найдены.

Относительно реже, чем истории о том, что происходило в Беслане в сентябре 2004 г., публикуется информация о последствиях произошедшего, о дальнейшей судьбе пострадавших. Есть истории об успешной реабилитации:

Лариса Кудзиева пришла с шестилетним сыном Зауром и дочерью Мадриной, учившейся тогда на третьем курсе университета. Когда уже после взрыва в спортзале один из боевиков бросил гранату в заложников, Лариса закрыла собой детей, и они не пострадали. Сама же она... Потребовалось 16 лет и 31 операция, чтобы восстановить здоровье («Я два раза умерала в скорой» // РГ. 2019. 3 сент.).

К сожалению, немало свидетельств о том, что помощь жертвам теракта оказалась недостаточной:

Еще одна бывшая заложница Марина, раненная в позвоночник, в первые годы после теракта имела шанс встать на ноги и даже чувствовала пальцы на ноге, но из-за отсутствия реабилитации даже этот эффект сошел на нет. 15 лет за Мариной ухаживает мама-пенсионер, которая тоже была в заложниках. Все деньги, выплаченные семье после теракта, ушли на уход за Мариной. Ее маме пришлось уйти с работы. Все это несправедливо, ведь за последствия теракта отвечать должно государство. Оно должно предоставить Марине помощницу и пожизненную реабилитацию. Но эта семья забыта своим государством (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

А вот свидетельство женщины, потерявшей в Беслане старшую дочь:

Я стала очень тревожной. Я боюсь выйти из дома и оставить сына одного. Боюсь отпускать его в школу. Мне надо с этим что-то делать (Там же).

Спустя 15 лет после трагедии журналисты внимательны и к свидетельствам о возможности преодоления последствий травм с помощью практик солидарности и взаимопомощи. Учительница Н. И. Гуриева рассказывает, как ее спасала необходимость заботиться о других:

Как только я вышла на работу, в ноябре 2004 г., мне дали десять детей, которые или из-за ранений, или из-за психологических проблем не могли ходить в школу. С утра занималась с ними на дому, во вторую смену проводила уроки в школе. Видела смятение и ужас, стремление довериться и страх, радость встречи с учителем. И собственное горе отступало, когда чувствовала, насколько во мне нуждаются. Кто их мог понять лучше нас? Ведь мы были в этом аду вместе (Души Беслана // Спецназ России. 2019. 31 авг.).

Во многих публикациях подчеркивается огромная роль в преодолении последствий теракта сообщества «Матери Беслана», его действенной помощи:

Марина много лет вместе с женщинами из комитета «Матери Беслана» помогает пострадавшим. Благодаря ей самые отчаявшиеся нашли надежду. Кто-то нашел себя в общественной работе комитета бесланских матерей, кто-то стал ходить в церковь, кого-то просто нужно выслушать, и для этого можно прийти в комитет» (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.);

Я очень восхищаюсь матерями Беслана — это мужественные женщины, которые прошли через все. Их пытались приписать к сумасшедшим, их не всегда понимали — когда они начали получать гуманитарную помощь, у людей была странная реакция. Эти женщины прошли через огромное психологическое давление и сумели остаться порядочными и мудрыми. И они до конца пытаются настоять на расследовании. Сейчас они многим помогают в Беслане: стали теми, к кому все обращаются, если возникает проблема («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. 2019. 1 сент.).

Наконец, в качестве важной задачи сегодняшнего дня журналисты называют сохранение памяти о событиях в Беслане:

Им тяжело и больно вспоминать пережитое. Но они уверены, что только память о Беслане поможет избежать новых трагедий (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

Формы сохранения памяти могут быть разными, от ношения траура до продолжения расследования обстоятельств теракта:

«Я не хочу, чтобы кто-то еще пережил то, что пережила я», — говорит Рита — мать, потерявшая единственную дочь и уже 15 лет живущая в одиночестве. Эти поездки да еще расследование обстоятельств теракта, которое много лет потерпевшие ведут сами, — смысл ее жизни. Она пытается делать хоть что-то, чтобы мучительная смерть ее дочери не была напрасной (Там же);

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Клара Цкаева не снимает черный платок 15 лет. Боевики убили ее дочь и внучку. Не было дня, когда она не вспоминала то 1 сентября 2004-го (Мир вспоминает жертв трагедии в Беслане // Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>).

Сохранению памяти о погибших мог бы помочь музей, об этом говорит учитель Н. И. Гуриева, одна из заложниц, у которой погибли двое детей:

В здании же полуразрушенной школы Надежда Ильинична предлагает создать большой музей, посвященный жертвам терроризма в Осетии. Выделить каждому погибшему свой уголок. Она говорит, что сделать это обязательно надо, чтобы ни в коем случае не забыть никого. Чтобы они продолжали жить в памяти. Как живут ее дети, в смерть которых сердце матери так и не поверило. «Для меня они уехали куда-то. У меня ощущение, что они рядом. Просто не могут приехать, и всё». Пока жива Россия, жива будет и память о трагедии Беслана. Мы помним. Забыть — предать, значит. И страну, и себя (Души Беслана // Спецназ России. 2019. 31 авг.).

На то, что усилия по сохранению памяти о случившемся актуальны, указывают данные опроса «Левада-центра», опубликованные газетой «Ведомости»:

Накануне 15-й годовщины трагедии «Левада-центр» провел опрос об информированности россиян о Беслане и их мнении о причинах гибели заложников. Подавляющее большинство помнят о трагедии, но за последние пять лет доля не знающих или забывших о ней выросла более чем вдвое — с 4 до 9 %. Причем число не слышавших или впервые услышавших о событиях в Беслане существенно (с 13 до 24 %) выросло не только среди молодежи до 24 лет, но и среди опрошенных 25–39 лет (с 2 до 11 %) и старшего поколения (с 3 до 7 %) (Как россияне забывают про Беслан // Ведомости. 2019. 30 авг.).

Именно поэтому в годовщину трагедии журналисты уделяют особое внимание сегодняшним ритуалам памяти о погибших на мемориальном кладбище в Беслане:

«Город ангелов» — так называется кладбище, на котором похоронены ученики, учителя, родители — сотни могил. В середине мемориального комплекса — скульптура. Матери с поникшими головами пытаются удержать в руках ангелочков — своих детей. И здесь у могил игрушки, бутылки с водой, цветы (Мир вспоминает жертв трагедии в Беслане // Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>);

Подростки, вдруг притихшие, проходят вдоль стен, разглядывают фотографии детей и взрослых, ставших жертвами теракта. Ко мне подходит девочка-подросток и тихо спрашивает: «А где дочь Марины? Покажите». Я веду ее к той стене, откуда с фотографии на нас смотрит лицо Светы. Света улыбается. Девочка рядом со мной плачет. Потом она подходит к Марине и обнимает ее (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

Подведем итоги. Мы исследовали, как в связи с 15-летней годовщиной бесланской трагедии в федеральных российских СМИ конструируются ее персонажи, когда страсти в обществе поутихли и появилась возможность посмотреть

на проблему более отстраненно, без лишних эмоций. Выявлены ведущие дискурсивные практики конструирования персонажей «пострадавшие»: реконструкция произошедших событий журналистами и очевидцами, воспоминания выживших заложников и их родственников, комментарии военных/сотрудников спецслужб, участвовавших в штурме школы. Очевидно, что конструирование системы персонажей-«пострадавших» определяется структурой события «теракт в Беслане», его основными участниками.

По прошествии 15 лет в осмыслении произошедшего журналисты федеральных СМИ в основном сосредоточиваются на самом событии теракта, описании деталей события и меньше уделяют внимания таким важным для пострадавших аспектам, как установление виновных, программы реабилитации жертв, способы преодоления психологической травмы. При акценте на вопросе, как это было, на второй план уходит анализ того, каковы уроки трагедии. Тем не менее наработанные дискурсивные практики осмысления случившегося можно использовать в качестве опоры для анализа других катастрофических, трагичных ситуаций. Дискурсивная модель конструирования ситуации катастрофы, трагедии, выявление основных персонажей и отношений между ними обладает ценностью для журналистского дискурса в целом.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999.

Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: [монография] / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др. ; под ред. Э. В. Чепкиной, Москва ; Екатеринбург, 2017.

Ульберг С., Харт П., Бос С. Длинная тень беды: Общественная и политическая память о катастрофах // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009. С. 247–275.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.

Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 291–308.

Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф. Проблема Другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «Другой» в дискурсе СМИ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 113–119.

Статья поступила в редакцию 09.10.2022 г.